

РУССКАЯ КЛАССИКА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ

А. Н. КУДРЕВАТЫХ

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID: 0000-0001-6829-850X

УДК 821.161.1-3(Карамзин Н. М.)

DOI 10.26170/ufv19-05-09

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44

РЕПУТАЦИЯ Н. М. КАРАМЗИНА В ЛИТЕРАТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме репутации Н. М. Карамзина. Автор рассматривает формирование восприятия сентименталиста русскими писателями и читателями. Своим творчеством и личностью уже при жизни он оказывал важнейшее влияние на русскую литературу. Рассматривая суждения различных писателей первой половины XIX века, автор выявляет, что репутация Карамзина была неоднозначной и менялась со временем: от стремления подражать ему, восхищения – до отношения к нему как к устаревшему явлению. Широкая читательская публика часто воспринимала Карамзина-писателя сквозь призму мифов о нем как о человеке чувствительном, соединяя его личность с образами персонажей созданных им произведений.

Вместе с тем устанавливается, что уже в первой половине XIX века утверждается представление о Карамзине как писателе, определившем во многом дальнейшее развитие русской литературы.

Ключевые слова: Карамзин; репутация; литературное сообщество XIX века; оценки; миф.

Одним из самых значительных писателей в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв. является Н. М. Карамзин. С подачи В. Г. Белинского этот период русской словесности принято называть его именем [См.: Белинский 1955: 139].

Особого внимания заслуживает то, как складывалась репутация Карамзина в литературных кругах XIX века. В литературном обществе придерживались различного мнения о Карамзине. Своим творчеством и личностью он уже при жизни оказывал важнейшее влияние на русскую литературу. Писатели делились на его поклонников, для которых основоположник русского сентиментализма был образцом для подра-

жания, и тех, кто был противником его творчества. Первые перенимали творческие принципы Карамзина и учились у него новому литературному языку. Вторые же – критиковали его за излишнюю ориентацию на европейскую традицию в языковой реформе и сентиментальность.

Особый этап в оценке Карамзина настал после его смерти в 1826 году. «Так уж повелось в русской литературе, а может быть, и в искусстве в целом, – пишет Л. А. Сапченко, – что значение творческой личности помогает понять ее уход. Случай с Карамзиным особенно разителен. Как писатель он оказывал колоссальное влияние на литературу уже при своей жизни, не меньшее значение для современников имела и его личность. На него ориентировались, с ним считались, его мнение (близкое или неблизкое) было всегда учтено. Жуковский, как известно, словом “Карамзин” определял все лучшее, что было в его душе. Его смерть была воспринята многими современниками не просто как личная драма, но как невозполнимая нравственная утрата, как потеря для культуры» [Сапченко 2006: 11].

Приведем в этой связи отзыв П. А. Вяземского из его записных книжек: «Я писал сегодня Жуковскому: “Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления: не к кому из земных приложить его. Любим, уважаем иных, но все нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. Странное сличение, но для меня истинное и не изысканное! При каждой из трех смертей у меня как будто что-то отпало от нравственного бытия моего и как-то пустее стало в жизни. Разумеется, говорю здесь, как человек, член общего семейства человеческого, не применяя к последней потере частных чувств своих. Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас уже есть само по себе бедствие, которое отзывается на всю жизнь; но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей!”» [Вяземский 1992: 84].

А. С. Пушкин сообщал П. А. Вяземскому из Михайловского 10 июля 1826 г.: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?» [Пушкин 1981: 233].

Представление о Карамзине двоилось в сознании современников. С одной стороны, «придворный историограф, облагодетельствованный императором (таким Карамзин предстает в некрологии Н. И. Греча)», а

с другой стороны, «“честный человек”, совершивший гражданский подвиг, превыше всего ставящий свою внутреннюю независимость, – в восприятии Пушкина» [Сапченко 2006: 12].

И все же почтительные отзывы о Карамзине преобладали. Так, высокая оценка личности Карамзина была дана Н. В. Гоголем в письме к Н. М. Языкову (1846) в связи с открытием памятника писателю-сентименталисту. В нем с необыкновенной искренностью были подчеркнуты благородство, смелость, чистота души Карамзина [См.: Гоголь 2009: 1019]. В заметках по поводу юбилея Карамзина (1866) И. А. Гончаров писал: «Воспоминания о нем как о писателе и как о благородной, светлой личности еще живут в современном обществе, ему принадлежат наши живые симпатии...» [Гончаров 1980: VIII, 16]. Подобные мнения свидетельствуют о том, что и во второй половине XIX столетия Карамзин все еще оставался живым явлением русской литературы и культуры.

В это же время бытовала и противоположная оценка значения творчества русского сентименталиста. Карамзин в определенных литературных кругах воспринимался не просто как «устаревшее, но как “мертвое (смехотворное, вредное) явление в русской культуре, заслуживающее только издевки и, во всяком случае, полного забвения”» [См. об этом: Сапченко 2006: 17].

С именем Н. М. Карамзина связано несколько мифов, бытовавших в XIX веке. Один из главных – уверенность в том, что он в жизни был очень чувствительным, влюбчивым человеком. Фактически представлялось, что он живет как пишет, в жизни руководствуясь сентиментальными принципами. На самом же деле в жизни он был скуп на душевные излишества и мало кого впускал в круг близких людей. «Представлять себе Карамзина “сентименталистом в жизни” – значит глубоко заблуждаться», – утверждает Ю. М. Лотман [Лотман 1997: 16].

Второй миф был связан с тем, что в сознании простых читателей происходило слияние биографического автора и образов сентиментальных персонажей его произведений (Эмилия, юнога путешественника по Европе и др.). Самая популярная героиня Карамзина – «бедная Лиза» – воспринималась как авторское alter ego на вечные времена [Сапченко 2006: 21]. Это поверхностное восприятие творчества Карамзина привело к тому, что повесть «Бедная Лиза» была осмыслена как явление малохудожественное и чуждое русской жизни. Часто оставался незамеченным психологизм повести, ее значение для дальнейшего развития русской литературы.

Нередко вследствие «поверхностного прочтения» произведений Карамзина «образ автора отождествлялся с личностью автора. Между

тем именно нетождественность делает феномен Карамзина многогранным, объемным и неоднозначным, однако проясняться это стало только в 20-х годах XX в.» [Там же: 22].

Писатели XIX столетия в своих оценках акцентировали внимание на различных составляющих наследия Н. М. Карамзина. Большинство из них подчеркивали общее значение его личности и творчества. Так, В. А. Жуковский в статье «О поэте и современном его значении» (1848) упоминает имя Карамзина в одном ряду с английским романтиком Вальтером Скоттом: «С такою же благодарностию сердца укажу на Карамзина, которого непорочная душа прошла по земле как ангел света и от которого осталась отечеству, в созданной им Истории, вечное завещание на веру в Бога, на любовь ко благу и правде, на благоговение пред всем высоким и прекрасным» [Жуковский 1986: 425].

Н. В. Гоголь тоже высоко оценивает человеческие качества писателя: «Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именнейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уж он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желанье это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возвещай свою правду: все тебя выслушает, начиная от царя и до последнего нищего в государстве. И выслушает с такою любовью, с какой не выслушивается ни в какой земле ни парламентский защитник прав, ни лучший нынешний проповедник, собирающий вокруг себя верхушку модного общества, и с какой любовью может выслушать только одна чудная наша Россия, о которой идет слух, будто она вовсе не любит правды» [Гоголь 2009: 1019]. Для Гоголя в образе Н. М. Карамзина соединились воедино понятия «писатель», «чистая душа» и служение правде и России.

Один из аспектов творческого наследия Карамзина – его поэзия. П. А. Вяземский дал такую оценку поэтического таланта Карамзина: «В нем не было лиризма. В прозе его, напротив, много движения и музыкальной певучести. Самые рифмы ему как то неохотно поддавались. С ним родилась у нас поэзия чувства, любви к природе, нежных отливов мысли и впечатлений: словом сказать, поэзия внутренняя, задушевная. В ней впервые отразилась не одна внешняя обстановка, но в сердечной

исповеди сказалось, что сердце чувствует, любит, таит и питает в себе. Из этого пока еще, согласен я, довольно скромного родника пролились и прозвучали позднее обильные потоки, которыми Жуковский, Батюшков, Пушкин оплодотворили нашу поэтическую почву» [Вяземский 1984: 255]. Мнение Вяземского не было единичным. Несомненно, что наиболее ярко талант Карамзина проявился именно в прозе.

В то же время высокую оценку получил многотомный труд Карамзина «История государства Российского» (опубл. в 1818–1829 гг.). Для многих современников заслуги Карамзина как историографа были неоспоримы. Так, А. И. Тургенев в статье «Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя» (1827) отмечает: «Между тем необходимость требует оценить подробнее пользу, какую принес Карамзин истории как науке глубоким исследованием древности и критическим употреблением памятников. Карамзин сохранил все, что нашлось в наших летописях драгоценного: каждую черту героя древнего времени, постоянное мужество наших пастырей душ – просветителей народа, некогда смелых заступников оного у трона; полное наше гражданское и церковное законодательство, и каждый отголосок славы из времен древнейшей России» [Тургенев 1989: 251].

Тургенев же в другой статье «О Карамзине и молчании о нем литературы нашей» (1827) сетует на то, что заслуги Карамзина недостаточно оценены и после смерти его не уделяется ему должного внимания: «Да живет память его в каждом движении нашего сердца и в каждой строке о нем! Чем иным можем доказать нашу любовь к нему, как не жизнью его достойною, как не чувствами, подобными тем, кои сам питал он и к друзьям и к недругам, ненавидя порок, но любя и прощая всех» [Карамзин 2006: 467].

Н. А. Полевой еще при жизни Карамзина в статье «О новейших критических замечаниях на “Историю государства Российского”, сочиненную Карамзиным» (1825) отмечал его заслуги как автора «Истории государства Российского»: «Долго ожидали мы Истории отечественной, сочиняемой Карамзиным, долго занимался сей почтенный муж важным творением, которому суждено было первое место в российской литературе. И вот уже совершилось восемь лет, как сей памятник ума и познаний историографа представлен суду ученого света!». За «Историей...», утверждает Полевой, справедливо закрепилась слава произведения очень ценного и в художественном плане: «Мнение, что “История государства Российского” творение превосходное и прекрасное, составилось...» [Там же: 128].

Вместе с тем Н. А. Полевой с сожалением говорит, что труд Карамзина еще не был в полной мере оценен критиками. «Никто донныне не

явился у нас не только с критикою, вполне объемлющею Историю государства Российского, никто не предстал даже с критикою отдельно по какой-нибудь части оной. Историограф, с благодарностию принимая замечания некоторых почтенных особ, доказал, что критика не оскорбляет его. Дельный, ученый разбор, мы уверены, никогда не оскорбит писателя, надежного на свои силы. Зато он имеет полное право пренебрегать мелочными и несправедливыми притязаниями» [Там же: 131].

А. С. Пушкин во фрагменте «Воспоминаний», посвященном Карамзину, писал о том, с каким воодушевлением был встречен его исторический труд: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили» [Пушкин 1981: 48]. По мнению Пушкина, научные достоинства «Истории государства Российского» несомненны: «*Ноты русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению». Защищая Карамзина от нападок и «негодований» «молодых якобинцев» («... несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения»): «Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верною историка, он везде ссылался на источники – чего же более требовать было от него?». «Повторяю, – подчеркивал Пушкин, – что “История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [Там же 1981: 49. Курсив Пушкина. – А. К.].

Н. И. Греч в статье «О жизни и сочинениях Карамзина» (1827) также говорит о ценности труда писателя для русской литературы и читателей: «История государства Российского есть одно из важнейших творений на русском языке, по предмету, изложению и слогу. Карамзин воздвиг оным незыблемый памятник героям и подвигам древности русской и своему трудолюбию, уму и талантам». В то же время он замечает: «Но если он в звании историка достоин хвалы и благодарности ученого света, то не менее, по нашему мнению, заслуживает славы в качестве литератора и прозаика. В Истории имел он предшественниками и образцами знаменитых писателей древности и новых времен: новую же русскую прозу, чистую, легкую, благородную, сотворил он сам, силою

своего таланта и вкуса. Произведения его, казавшиеся легкими, потому что нашли многих подражателей, в том числе мало удачных, сначала возбуждали противоречие в литераторах, привыкших к прозе Ломоносова и его современников; но в последствие времени общий голос истинно-просвещенной публики признал, что слог Карамзина не есть прихотливое подражание иностранным примерам, а основан на глубоком познании свойств русского языка, очищен благородным вкусом и утверждён на правилах всеобщей грамматики» [Карамзин 2006: 471].

По мнению Н. И. Греча, создание нового литературного слога в его прозаических произведениях имело важное значение в развитии русской литературы: «Решительно можем сказать, что легкостию, ясностию и правильностию русской прозы в нынешнее время обязаны мы трудам Карамзина. Основательность, спокойствие, ясность, чистота, правильность, благоразумная бережливость, гармония его слога – видны были в его делах и обращении; но качества сии получали новый блеск и неотъемлемую прелесть от нежности сердца, от теплоты душевной, кроткой сострадательности и трогательного человеколюбия, коими оживлялись все помышления, слова и поступки» [Там же: 472].

Подчеркивая значение исторического труда Карамзина, Н. И. Греч указывал на важность предпринятой Карамзиным работы по реформированию литературного языка, что было необходимо на новом этапе развития русской литературы.

За Карамзиным уже в первой половине XIX закрепились слава писателя-реформатора русской прозы. Его предшественники предпочитали большие жанровые формы, чаще всего эпистолярные романы (Ф. А. Эмин «Письма Эрнеста и Доравры», Н. Ф. Эмин «Роза» и «Игра судьбы», П. Ю. Львов «Российская Памела» и другие). Карамзин же стал разрабатывать более емкий «средний» прозаический жанр, предложив собственную модификацию психологической повести. Именно с этим жанром связаны главные достижения Карамзина в психологизации русской прозы [См. об этом подробнее: Кудреватых 2014; Кудреватых 2015 и др.].

Таким образом, в культурном сознании России уже первой половины XIX века сложилось представление о Н. М. Карамзине – авторе «Писем русского путешественника», «Бедной Лизы», «Истории государства Российского» и других произведений, оказавших влияние на последующее развитие русской литературы, выдающемся писателе, именем которого В. Г. Белинский означил целый период в истории отечественной словесности.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т VII. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 132–222.

Вяземский П. А. Записные книжки. М. : Русская книга, 1992. 381 с.

Вяземский П. А. Эстетика и критика. М. : Искусство, 1984. С. 253–262.

Гоголь Н. В. Карамзин (Из письма к Н. М. Я...ву) // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. Критические и публицистические статьи (1831–1836, 1845–1850). М. : Альфа-книга, 2009. С. 1019.

Гончаров И. А. Заметка по поводу юбилея Карамзина // Гончаров И. А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 8. С. 15–18.

Греч Н. И. О жизни и сочинениях Карамзина // Карамзин Н. М. : pro et contra. СПб. : РХГА, 2006. 1080 с.

Жуковский В. А. О поэте и современном его значении // Жуковский В. А. Избранное. М. : Правда, 1986. С. 416–428.

Карамзин Н. М. : pro et contra. СПб. : РХГА, 2006. 1080 с.

Кудреватых А. Н. Значение опыта Н. М. Карамзина в создании образа «странного человека» : М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» // Филологический класс. 2014. №4 (38). С. 13–16.

Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина : учебное пособие. Екатеринбург : 2015. 164 с.

Лотман Ю. М. Карамзин. СПб. : Искусство-СПБ, 1997. 872 с.

Полевой Н. А. О новейших критических замечаниях на «Историю Государства Российского», сочиненную Карамзиным // Карамзин Н. М. : pro et contra. СПб. : РХГА, 2006. С. 128–133.

Пушкин А. С. Воспоминания. Карамзин // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М. : Правда, 1981. Т. 9. С. 48–50.

Сапченко Л. А. Карамзин в движении времени // Карамзин Н. М. : pro et contra. СПб. : РХГА, 2006. С. 7–24.

Тургенев А. И. Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя // Тургенев А. Политическая проза. М. : Советская Россия, 1989. С. 251–254.

Тургенев А. И. О Карамзине и молчании о нем литературы нашей // Карамзин Н. М. : pro et contra. СПб. : РХГА, 2006. С. 466–467.

REFERENCES

Belinskiy V. G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya vtoraya // Belinskiy V. G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. T VII. M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 132–222.

Vyazemskiy P. A. Zapisnye knizhki. M. : Russkaya kniga, 1992. 381 s.

Vyazemskiy P. A. Estetika i kritika. M. : Iskusstvo, 1984. S. 253–262.

Gogol' N. V. Karamzin (Iz pis'ma k N. M. Ya....vu) // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome. Kriticheskie i publitsisticheskie stat'i (1831–1836, 1845–1850). M. : Al'fa-kniga, 2009. S. 1019.

Goncharov I. A. Zametka po povodu yubileya Karamzina // Goncharov I. A. Sobr. soch. : v 8 t. M. : Khudozh. lit., 1980. T. 8. S. 15–18.

Grech N. I. O zhizni i sochineniyakh Karamzina // Karamzin N. M. : pro et contra. SPb. : RKhGA, 2006. 1080 s.

Zhukovskiy V. A. O poete i sovremennom ego znachenii // Zhukovskiy V. A. Izbrannoe. M. : Pravda, 1986. S. 416–428.

Karamzin N. M. : pro et contra. SPb. : RKhGA, 2006. 1080 s.

Kudrevatykh A. N. Znachenie opyta N. M. Karamzina v sozdanii obraza «strannogo cheloveka» : M. Yu. Lermontov «Geroy nashego vremeni» // Filologicheskii klass. 2014. №4 (38). S. 13–16.

Kudrevatykh A. N. Evolyutsiya psikhologizma v proze N. M. Karamzina : uchebnoe posobie. Ekaterinburg : 2015. 164 s.

Lotman Yu. M. Karamzin. SPb. : Iskusstvo-SPb, 1997. 872 s.

Polevoy N. A. O noveyshikh kriticheskikh zamechaniyakh na «Istoriyu Gosudarstva Rossiyskogo», sochinennuyu Karamzinym // Karamzin N. M. : pro et contra. SPb. : RKhGA, 2006. S. 128–133.

Pushkin A. S. Vospominaniya. Karamzin // Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t. M. : Pravda, 1981. T. 9. S. 48–50.

Sapchenko L. A. Karamzin v dvizhenii vremeni // Karamzin N. M. : pro et contra. SPb. : RKhGA, 2006. S. 7–24.

Turgenev A. I. Zaslugi Karamzina, istoricheskogo issledovatelya i istoricheskogo pisatelya // Turgenev A. Politicheskaya proza. M. : Sovetskaya Rossiya, 1989. S. 251–254.

Turgenev A. I. O Karamzine i molchanii o nem literatury nashey // Karamzin N. M. : pro et contra. SPb. : RKhGA, 2006. S. 466–467.